

Юлия Мэркулеску-Никулина

ОТЕЛЬ ДЛЯ ТЕХ КТО СДАЛСЯ

Метель расплаты уже началась.
Психологический триллер.

406

Юлия Мэркулеску-Никулина

Отель для тех, кто сдался

<https://litres.ru/73760427>

SelfPub; 2026

Аннотация

Метель отрезала их от мира. В холле отеля «Тихая обитель» сталкиваются трое: властная Вера, успешный, но замкнутый Марк и юная Лиза. За окном — ледяной хаос, внутри — безупречный уют и вышколенный дворецкий, чья вежливость граничит с угрозой. Кажется, он знает о гостях больше, чем они сами.

В этом месте случайных постояльцев не бывает. Но почему за дверями герои находят не роскошные номера, а болезненные осколки прошлого? Почему время замерло, а коридоры меняют форму, стоит отвернуться?

У каждого из них есть тайна, тянущая на дно тяжелее могильной плиты. В отеле, где за воздух платят правдой, им придется сделать невозможный выбор: сорвать маски, чтобы вырваться из плена, или навсегда стать частью безмолвного фундамента.

Психологический триллер с элементами мистики о цене молчания, предательстве и втором шансе, который может стать последним.

Содержание

ГЛАВА 2	14
ГЛАВА 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Юлия Мэркулеску- Никулина

Отель для тех, кто сдался

ГЛАВА 1

Странный, отчетливый вкус железа на языке. Сначала я не поняла, что это. Быть может, так на вкус ощущается сама смерть? Горькая, холодная, с привкусом ржавчины и запекшейся крови. Я попыталась сглотнуть, но горло сковал спазм, тугой и болезненный, словно чья-то невидимая рука сжала пищевод.

Я открыла глаза. Мир вокруг не просто изменился – он был расколот на тысячи сверкающих, опасно острых фрагментов. Лобовое стекло моего внедорожника, моей серой крепости, моей гордости, превратилось в ледяную паутину. Мелкое крошево стекла хрустело под моими пальцами, когда я попыталась пошевелиться, издавая звук, похожий на скрежет зубов. Снег – беспощадный, мелкий, сухой, как измельченное стекло – уже всюю хозяйничал в салоне. Он засыпал дорогую коньячную кожу обивки, забивался в обдув и

медленно покрывал мои колени белым саваном.

– Адам... – мой голос прозвучал как хрип сломанного динамика. – Я должна... контракт...

Мозг, выдрессированный десятилетием работы в режиме «24/7», отказывался принимать факт физического краха. В моем календаре не было места для катастрофы. В два часа дня я должна была сидеть в стерильном, пахнущем дорогим парфюмом и свежемолотым кофе офисе, поправляя манжеты блузки и подписывая бумаги, которые стали бы кислородной маской для моей клиники.

«Подумаешь, занесло. Подумаешь, дерево», – твердила я себе, хотя левый висок пульсировал отупляющей болью. Я три года назад рак победила. Я вытравила его из себя вместе с волосами, вместе с надеждами на материнство, вместе с достоинством и страхом. Я выжила в палате интенсивной терапии, где потолок казался единственным окном в мир. Меня не остановит какая-то груда искореженного британского металла.

Я начала шарить рукой по ворсистому коврику, ища телефон. Пальцы не слушались, они казались чужими, будто их заменили на восковые муляжи. Наконец, гаджет нашелся внизу, зажатый между педалью тормоза и сиденьем. Экран был разбит вдребезги, по нему бежали психоделические цветные полосы, похожие на предсмертные судороги электроники. Сети нет. «Поиск...» – мигало в углу экрана, как издевка над моей привычкой всегда быть на связи.

Вывалившись из машины, я по пояс ушла в сугроб. Дверь поддалась не сразу, взвизгнув металлом о металл. Холод мгновенно, как голодный, застоявшийся зверь, пробрался под тонкий кашемир моего пальто – того самого, которое я купила, чтобы казаться еще более недосыгаемой, еще более «стальной».

Шрам на груди – тонкая, белесая отметина моей войны – отозвался тупой, тягучей пульсацией. Раньше я ненавидела это ощущение, оно напоминало мне о слабости, о часах, проведенных под капельницами, когда я считала капли, падающие в пластиковый резервуар. Но сейчас эта боль была моим единственным якорем. Пока болит – я здесь. Пока болит – я всё еще Вера Волкова, а не безымянное тело в кювете, которое найдут через неделю, когда сойдут снега.

Я выбралась на то, что когда-то называлось дорогой. Снег был повсюду. Он был небом, он был землей, он был воздухом. Ледяной поток ворвался в легкие, обжигая их изнутри, словно я глотала жидкий азот. Каждый шаг давался с боем. Ноги стали тяжелыми свинцовыми колодками, которые я буквально вырывала из снежного плена. Метель завывала над ухом, переходя с низкого гула на высокий, почти человеческий визг.

В такт моему сбивчивому, свистящему дыханию в голове начали всплывать образы, которые я так долго и успешно вытесняла в самый дальний угол сознания, заваливая их графиками доходности и отчетами об операционных расходах.

«Вера, ты слишком эмоциональна для этой должности. Ты принимаешь решения сердцем, а не цифрами», – голос Адама, моего партнера и главного инвестора, звучал в памяти отчетливо, с той самой раздражающей, покровительственной хрипотцой. Я вспомнила ту встречу в его кабинете на 42-м этаже. Он стоял у панорамного окна, за которым Москва выглядела как игрушечный город, и медленно, с каким-то медитативным удовольствием помешивал лед в бокале с виски. Он даже не обернулся, когда я вошла. *«Цифры за квартал внушают оптимизм, Вера. Но сможешь ли ты удержать этот темп, когда начнется настоящий шторм? Ты ведь женщина, тебе свойственно ломаться под давлением»*.

Он всегда сомневался. Каждое мое решение он проверял через лупу, выискивая малейшую трещину. Я ненавидела его за это снисходительное «милочка», за манеру класть руку на мое плечо во время фуршетов – этот жест собственника, а не коллеги. Я ненавидела то, что была вынуждена просить у него денег, когда банки закрыли передо мной двери.

«У вас слишком рискованный сектор, Вера Александровна. Частная онкология – это не булочная», – сказал тогда кредитный офицер с лицом сытого кота. Я помню, как он смотрел не на мой бизнес-план, а на вырез моей блузки. Именно это бесило меня больше всего. Весь мой путь был борьбой за право просто быть услышанной. Я тратила часы на макияж, на подбор костюма, на отработку ледяного тона

голоса – всё ради того, чтобы эти мужчины в галстуках перестали видеть во мне только «симпатичную блондинку с амбициями».

И вот теперь я шла по этой ледяной пустыне, шрам ныл, а я думала о том, что Адам, возможно, был прав. Я не удержала темп. Я не справилась с управлением – ни в машине, ни в жизни.

В памяти, как в старом проекторе, защелкали кадры с мужем. Андрей. Он ушел два года назад, в дождливый ноябрьский вечер. *«Вера, я не могу больше делить кровать с бизнес-планом. Я хочу жену, которая чувствует вкус еды, а не считает калории для продуктивности. Я хочу женщину, которая плачет, когда ей больно, а не составляет список задач по устранению проблемы»*. Он хотел «настоящую» меня. Но проблема была в том, что «настоящая» я уже давно растворилась в этой гонке за статусом. Я не знала, как быть просто Верой. Без префикса «Генеральный директор».

Если бы я тогда уступила... Если бы я позволила себе быть слабой... Но эта мысль жгла сильнее холода. Это было бы признанием поражения. А Вера Волкова не проигрывает.

Я начала бредить. Мне казалось, что деревья по краям дороги – это не сосны, а огромные черные фигуры, собравшиеся на мой похоронный обряд. «Она не успеет», – шелестел ветер в ветвях. «Ей лучше лечь прямо здесь», – скрипел наст под ногами. Холод перестал быть мучительным. Он стал ласковым. Он обволакивал меня, обещая покой, обе-

щая, что больше не нужно будет никому ничего доказывать. Боль в ногах сменилась странной легкостью, а перед глазами поплыли золотистые круги.

И вдруг – свет.

Сначала я подумала, что это умирающий мозг рисует мне райские врата. Но свет был слишком материальным, слишком «электрическим». Огромный, величественный особняк вынырнул из пелены метели, словно призрак из прошлого века. Высокие окна, подсвеченные изнутри мягким, медовым сиянием. Массивные колонны, широкое крыльцо, очищенное от снега.

Я доплелась до ступеней, едва не упав на последней. Дерево под ногами скрипнуло – глубокий, утробный звук, похожий на вздох облегчения. Я не стала искать звонок. Я просто толкнула тяжелую дубовую дверь, вваливаясь внутрь, в тепло, которое показалось мне раскаленным воздухом пустыни.

Внутри не пахло метелью. Здесь пахло старым, дорогим деревом, пчелиным воском, сухой лавандой и чем-то неуловимо металлическим, напоминающим запах старых ключей. Холл был колоссальным. Потолки уходили в такую высь, что люстры казались далекими созвездиями. Паркет, выложенный сложным геометрическим узором, блестел так зеркально, что мне стало неловко за те грязные, талые лужи, которые начали растекаться от моих сапог.

Я стояла в центре этого великолепия, обхватив себя руками. Мои зубы выбивали дробь, плечи сводило судорогой, но

я заставила себя поднять подбородок. Даже сейчас, с размазанной тушью и мокрыми волосами, я была Верой Волковой.

Дворецкий появился не из двери – он словно соткался из теней в углу зала. Высокий, подтянутый, в безупречно сидящей ливрее, которая выглядела так, будто её сшили сто лет назад и с тех пор ни разу не надевали. Его лицо было странным: гладким, почти без морщин, но в то же время невероятно древним. Глаза – два глубоких колодца, в которых не отражался свет свечей.

– Вера Александровна, – произнес он. Голос был ровным, гулким, он не просто звучал, он вибрировал в воздухе.

Мое имя ударило меня в грудь. Откуда? «Логика, Вера. Думай», – приказала я себе. Моя клиника – известное место. Мое лицо мелькало в светской хронике и деловых изданиях. Возможно, это закрытый клубный отель, где персонал проходит жесткий инструктаж и обязан знать в лицо всех потенциальных VIP-гостей.

– Мы вас ждали, – добавил он, и в его голосе не было ни капли удивления.

– Кто вы? – мой голос сорвался на хрип. – Что это за место? Моя машина... там, в кювете. Мне нужен телефон. Срочно. У меня назначена встреча, я опаздываю на два часа.

Дворецкий даже не шелохнулся. Он смотрел на меня с тем мягким, почти материнским сочувствием, которое обычно проявляют к душевнобольным. – Здесь нет телефонов, Вера Александровна, – сказал он, аккуратно забирая из моих

негнущихся пальцев разбитый смартфон. – Как нет и эвакуаторов. У нас вообще нет связи с тем миром, который вы так отчаянно пытаетесь догнать. Метель отрезала дороги. Но вы не волнуйтесь. В «Тихой обители» время течет иначе. Мы предлагаем нашим гостям то, что им действительно необходимо. Тепло. Ужин. И возможность перестать бежать от самих себя.

«Психологический тренинг? – мелькнула мысль. – Какое-то элитное ретрит-пространство? Адам мог устроить это как проверку? Нет, слишком сложно даже для него».

Я сделала несколько неуверенных шагов в глубь холла. У камина, в котором ревели огромные поленья, сидели люди. Мужчина лет сорока пяти в безупречном костюме от итальянского дизайнера. Он непрестанно ходил вдоль стены, прижимая к уху телефон – такой же мертвый, как и мой. Его губы шевелились, он спорил с кем-то невидимым, его лицо было багровым от напряжения. Он был так поглощен своей воображаемой сделкой, что даже не повернул головы в мою сторону.

Рядом, в глубоком кресле с высокой спинкой, сжалась девушка. Совсем молодая, почти ребенок. Она куталась в тонкую шаль и смотрела в огонь взглядом, в котором я прочитала абсолютную, выжженную пустоту. Так смотрят люди, которые потеряли всё и больше не боятся даже смерти.

И старик. Он сидел в самом темном углу, сжимая в руке бокал с темно-красной жидкостью. Его взгляд был направ-

лен прямо на меня. В нем не было сочувствия, только бесконечное, мудрое и злое любопытство.

В центре зала, на низком мраморном столике, стоял серебряный поднос. На нем – четыре фарфоровые чашки. Над каждой поднимался тонкий завиток пара. Четверо. Трое сидят здесь. Четвертая – я.

«Идеальный тайминг, – подумала я, судорожно сглатывая. – Они просчитали время моего прибытия. Они знали, когда я дойду». Эта мысль должна была успокоить мою рациональную часть, но вместо этого она вызвала приступ тошноты.

– Кто эти люди? – я обернулась к дворецкому, который уже держал в руках мое промокшее пальто.

– Постояльцы, – ответил он. – Такие же заблудшие души, как и вы. Те, кто думал, что они управляют миром, пока мир не решил показать им обратное.

– Слушайте, мне не нужны ваши философские сентенции, – я попыталась вернуть себе тон хозяйки положения. – Скажите, где здесь ванная. Я хочу привести себя в порядок и уйти. Я найду дорогу пешком, если потребуется.

Дворецкий лишь слегка приподнял бровь. – Ваши вещи уже в номере, Вера Александровна. Номер 402. Наверху, в конце коридора. Ужин будет подан ровно через тридцать минут. Постарайтесь не опоздать

Я смотрела, как он бесшумно растворяется в темноте лестничного пролета. Его слова – «ваши вещи уже в номере» – эхом отозвались в моей голове. У меня не было вещей. Моя

сумка осталась в машине. Каким образом мои вещи могли оказаться в номере 402?

Я посмотрела на свои руки. Они всё ещё дрожали. Но теперь это был не только холод. Это был страх. Тот самый первичный, животный ужас, который не лечится ни логикой, ни деньгами, ни антидепрессантами.

Я начала подниматься по лестнице, и каждый мой шаг отдавался в пустом холле, как удар молота по наковальне.

ГЛАВА 2

Лестница была бесконечной. Каждая ступень из темного, почти черного дуба казалась выше предыдущей. Мои ноги, всё еще не отошедшие от ледяного оцепенения, двигались механически, словно я была марионеткой, которую тянет за невидимые нити чья-то костлявая рука. Паркет под ногами больше не скрипел – он издавал тихий, влажный звук, похожий на вздох человека, которому перерезали горло.

Я опиралась на перила. Холодная медь обжигала ладонь. Я смотрела на свои пальцы – костяшки побелели, кожа вокруг ногтей покраснела от мороза. На безымянном пальце остался след от обручального кольца – тонкая, едва заметная полоска более светлой кожи. Я сняла его два года назад, в тот самый день, когда Андрей захлопнул за собой дверь нашей стерильной квартиры. Я помню, как швырнула это золото в ящик с бижутерией, чувствуя не боль, а странное, пугающее облегчение. Теперь мне казалось, что эта светлая полоска на пальце пульсирует, напоминая о том, что я предала.

«Ты просто переутомилась, Вера, – шептала я себе, глядя в густые тени на лестничных пролетах. – У тебя шок. Посттравматический синдром. Мозг защищается, подменяя страшную реальность этой викторианской фантасмагорией. Сейчас ты дойдешь до номера, ляжешь, и к утру действие адреналина пройдет».

Но коридор четвертого этажа встретил меня не тишиной, а тяжелым, почти осязаемым присутствием чего-то чужого. Потолки здесь были ниже, чем в холле, и стены, обтянутые темно-бордовыми обоями с золотым тиснением, словно сдвигались, стоило мне отвести взгляд. Воздух стал плотным, в нем отчетливо слышался запах старых книг, застоявшегося ладана и... хлорки. Того самого едкого запаха, который пропитал мою жизнь в те месяцы, когда я боролась за право просто дышать без аппарата.

Я шла мимо дверей. 400. 401. На каждой – латунная табличка, отполированная до блеска. Наконец, 402.

Я замерла перед дверью. Рука, зависшая над ручкой, дрожала так сильно, что я вцепилась в подол своего мокрого пальто. «Ваши вещи уже в номере», – голос дворецкого прозвучал в моей голове с новой силой. Это невозможно.

Я толкнула дверь. Она открылась бесшумно, без единого звука, приглашая меня внутрь.

Комната была залита мягким, призрачным светом. Окна были зашторены тяжелым бархатом, и я не могла понять, какой сейчас час. Но не это заставило мое сердце пропустить удар.

В центре комнаты, на резной подставке для багажа, лежал мой чемодан и он был открыт.

Я подошла ближе, чувствуя, как ватные ноги подкашиваются. Внутри лежало платье. Шелковое, изумрудного цвета, со шлейфом и открытой спиной. Мое «счастливое» платье.

Я надевала его всего один раз – на благотворительный вечер пять лет назад, когда Андрей впервые признался мне в любви перед сотней гостей. После развода я была уверена, что сожгла его вместе со всеми фотографиями. Я помню запах гари в камине, помню, как шелк плавился, превращаясь в черные липкие комки.

Но вот оно. Лежит передо мной. Без единой морщинки. От него пахло моими старыми духами, которыми я перестала пользоваться после операции, потому что они казались мне слишком тяжелыми, слишком «живыми».

Я коснулась ткани. Холодный шелк скользнул по пальцам, и я вскрикнула, отдернув руку. На дне чемодана лежала фотография. Черно-белый снимок в простой деревянной рамке. На нем – мы с Андреем на набережной в Ницце. Он смеется, закинув голову, а я смотрю в камеру с таким выражением лица, которое я давно разучилась носить. Лицо женщины, которая не знает слова «рентабельность». Лицо женщины, которая просто счастлива.

Рамка была треснутой. Трещина проходила ровно через мое сердце.

– Нет... – выдохнула я в пустую комнату. – Этого не может быть. Это бред. Галлюцинация.

Я резко обернулась, ища выход, ища подвох, камеру скрытого наблюдения – что угодно, что вернуло бы меня в материальный мир. Но вместо этого я увидела комод. На нем, в строгом порядке, стояли баночки с моими лекарствами. Те-

ми самыми, которые я глотала втайне от всех, чтобы не сойти с ума от панических атак. Рядом лежала моя записная книжка. Старая, в кожаном переплете, которую я вела во время химиотерапии.

Я открыла её на случайной странице. *«14 сентября. Снова тошнота. Андрей принес апельсины, но я не могу на них смотреть. Сегодня врач сказал, что шансы 50 на 50. Я боюсь не смерти. Я боюсь, что если я умру, Адам заберет клинику. Я должна выжить, чтобы он не победил».*

Чернила были свежими. Я провела пальцем по буквам, и они слегка размазались, оставив на коже черный след.

Я бросилась к окну, сорвала тяжелые шторы. Я ожидала увидеть метель, деревья, дорогу... Но за стеклом была пустота. Не черная ночь, не белое снежное поле. Там было серое, безликое ничто. Оно не имело глубины, оно не имело формы. Казалось, отель висит в вакууме, оторванный от времени и пространства.

Я почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Я бросилась в ванную комнату, надеясь умыться ледяной водой и прийти в себя.

Ванная была облицована белым мрамором. Огромное зеркало в золоченой раме занимало всю стену. Я включила кран, и вода хлынула с пугающим напором. Она была горячей. Почти кипятком. Пар мгновенно заполнил маленькое пространство, оседая каплями на зеркале.

Я плеснула водой в лицо, смывая остатки грима, смывая

колючий холод метели. Когда я подняла голову и посмотрела в зеркало, я не увидела своего отражения.

Вернее, отражение было. Но оно не повторяло моих движений. В зеркале стояла я, но без волос. Та Вера, которой я была три года назад. С ввалившимися глазами, бледная, с кожей, похожей на пергамент. На ней была больничная сорочка. Отражение смотрело на меня с такой невыносимой тоской, что я зажмурилась и закричала, закрывая лицо руками.

– Уходи! Уходи! Это не я! – мой крик захлебнулся в густом паре.

Когда я снова открыла глаза, зеркало было просто зеркалом. В нем отражалась я – успешная женщина, с растрепанными волосами и диким взглядом. Но на стекле, поверх конденсата, была выведена надпись. Словно кто-то провел пальцем по запотевшему стеклу:

«ТЫ ВСЁ ЕЩЕ ПРЯЧЕШЬСЯ, ВЕРА?»

Я вылетела из ванной, задыхаясь. Комната казалась мне клеткой. Каждый предмет здесь был уликой. Отель не просто «привез» мои вещи. Он выпотрошил мою память, он вытащил всё то, что я пыталась похоронить под слоями успеха, денег и власти.

Я подошла к шкафу. Дверца была приоткрыта. Внутри висел мой темно-синий пиджак. Тот самый, в котором я провалила презентацию всей своей жизни перед советом директоров. Тот день, когда я впервые почувствовала, что почва уходит из-под ног, когда цифры на слайдах вдруг преврати-

лись в бессмысленные черные пятна. Я коснулась ткани – она была влажной и холодной, словно я только что пришла с улицы под дождем.

Я вспомнила, как на той презентации у меня пересохло в горле. Адам смотрел на меня своим снисходительным, почти безразличным взглядом. Его молчание было громче любого крика. Он наслаждался моей слабостью. И теперь этот пиджак висел здесь, в номере 402, как напоминание о моем позоре.

Я села на край кровати. Покрывало было из тяжелого шелка, оно неприятно холодило бедра. Мой взгляд упал на прикроватную тумбочку. Там стоял телефон. Старый, дисковый аппарат, черный и тяжелый. Я схватила трубку, надеясь услышать гудок, голос дворецкого – хоть что-то человеческое.

В трубке была тишина. А потом – странный, шуршащий звук. Словно кто-то перелистывал страницы сухой книги.

– Алло? – крикнула я. – Администрация? Кто-нибудь! Выпустите меня отсюда!

– Вера... – раздался в трубке знакомый голос. Моё дыхание перехватило. Это был голос Андрея. Но он звучал так, будто он говорил из-под толщи воды или сквозь пелену времени.

Я бросила трубку на рычаг, словно она была раскаленным углем. Мои руки дрожали так сильно, что я не могла их сжать.

«Это бред. Это галлюцинация от удара головой, – твердила я себе, забившись в угол кровати и подтянув колени к подбородку. – У меня травма. Возможно, гематома давит на мозг. Адам... Адам найдет меня. Он не может позволить мне просто исчезнуть. Мои акции... моя доля в компании... он пришлет вертолет, он наймет всех спасателей страны».

Но в глубине души я знала: Адаму выгодно моё исчезновение. Он ждал этого три года. Он ждал, когда «железная ле-ди» даст трещину.

Вдруг в дверь постучались. Я замерла, боясь дышать.

– Ужин подан, Вера Александровна, – произнес дворецкий из-за двери – И наденьте изумрудное платье. Оно вам очень идет.

Я рванулась к двери в надежде схватить его за лацканы и получить хоть один внятный ответ, но когда я распахнула её, за дверью никого не было. Пустой коридор, тонущий в желтоватом полумраке. Только лампа в конце галереи мигнула, словно подмигивая мне.

«Надеюсь, за этим ужином всё прояснится, – подумала я, судорожно поправляя волосы перед зеркалом. – Если это игра, я в неё сыграю. И я выиграю».

Я подошла к чемодану и взяла изумрудное платье. Ткань была тяжелой, как свинец.

«Если я надену его, я признаю их правила, – подумала я. – Но если я не надену... что тогда? Тем более вся моя одежда была мокрой от снега и не хотелось бы еще и заболеть в этом

дурдоме»

Я начала переодеваться, чувствуя, как шелк облегает мое тело, словно холодная чешуя змеи. Я должна спуститься. Потому что единственный способ выйти из этого кошмара – это дойти до его конца.

ГЛАВА 3

Лестница, ведущая вниз, в столовую, казалась теперь еще круче. Изумрудный шелк платья, который когда-то дарил мне ощущение триумфа, теперь охлаждал кожу, словно я надела на себя мокрый саван. Шлейф мягко шуршал по ступеням – *ш-ш-ш, ш-ш-ш* – и в этой оглушительной тишине звук казался шепотом сотен невидимых зрителей, собравшихся посмотреть на меня.

Я замерла перед высокими двойными дверями столовой. Оттуда не доносилось ни звона приборов, ни гула голосов, ни аромата жаркого. Тишина была стерильной, вакуумной. Я толкнула тяжелое дерево и вошла.

Зал был залит приторным, медовым светом сотен свечей. Они стояли в массивных бронзовых канделябрах, похожих на когтистые лапы хищных птиц. Пламя не дрожало, оно замерло в неподвижном воздухе, хотя я кожей чувствовала, как по ногам тянет кладбищенским сквозняком. Огромный стол из мореного дуба, накрытый на четверых, выглядел в центре этого зала как алтарь.

Остальные уже были там. Они сидели неподвижно, словно манекены, выставленные в витрине антикварной лавки.

Мужчина среднего возраста, в своем безупречном костюме, методично вертел в пальцах тяжелый серебряный нож. Отражение пламени плясало на лезвии, разрезая его лицо

пополам. Та девчушка, бледная до синевы, куталась в ту самую шаль, и её плечи мелко подрагивали. И старик во главе стола – он медленно потягивал вино, и его взгляд был прикован к дверям, будто он отсчитывал секунды до моего появления.

Когда я опустилась на свой стул, тяжелые ножки скрипнули по паркету так пронзительно, что я невольно сжала зубы. Никто не поздоровался. Никто не поднял глаз.

– Добрый вечер, – мой голос, привыкший отдавать распоряжения сотням подчиненных, здесь прозвучал жалко, тускло, словно его обернули в войлок. – Меня зовут Вера Александровна, можно Вера.

Тишина в столовой не просто стояла – она давила на барабанные перепонки, тяжелая и плотная, как слой сырой земли. Я видела, как пламя свечей замерло, превратившись в неподвижные золотые капли. Ни сквозняка, ни звука шагов дворецкого в коридоре, ни даже естественного потрескивания фитилей. Только мое собственное дыхание, которое казалось здесь неуместно громким, почти святотатственным.

Я сглотнула, чувствуя, как гортань царапает сухая корка. Во рту пересохло так, будто я несколько часов глотала книжную пыль.

– Скажите, – я подалась вперед, и шелк моего изумрудного платья протестующе зашуршал о край дубового стола. Я едва не задела тяжелый бокал, в котором густое темное вино казалось застывшим куском обсидиана. – Что в ваших

номерах? У меня там... там мои вещи. Вещи из прошлого, которые физически не могли здесь оказаться. Фотографии, одежда... старые страхи. А что у вас? Почему вы молчите?

Мой вопрос повис в воздухе, не встретив ни сочувствия, ни удивления. Я смотрела на них – на этих троих, ставших моими невольными сотрапезниками в этом театре абсурда. Они напоминали восковые фигуры, которые забыли убрать после выставки.

Мужчина, сидевший напротив меня, медленно, с каким-то механическим, ржавым усилием отложил тяжелый серебряный нож. Он звякнул о тонкий фарфор, и в этой ватной тишине звук показался мне пронзительным криком раненого зверя, попавшего в капкан.

Его лицо, высеченное из серого, пористого гранита, потемнело. Под глазами залегли иссиня-черные тени, а глубокие складки у рта выдавали выжженный, потухший взгляд человека, который слишком долго и пристально смотрел в бездну, пока та не начала смотреть в него. Я похолодела под его тяжелым взглядом.

– Я Марк, – коротко бросил он. Его голос был сухим и ломким, как треск веток, замерзающих на лютom морозе. – И да, Вера, ты здесь не одна такая «особенная». Отель никого не обделяет вниманием. Он щедр на воспоминания, от которых хочется содрать с себя кожу.

Он на мгновение замолчал, и я увидела, как его крупные, узловатые пальцы судорожно сжали край белоснежной ска-

терти, сминая безупречный лен в бесформенный ком. В этом жесте было столько подавленной агрессии и бессилия, что мне захотелось отодвинуться вместе со стулом.

— Там, наверху, на моей огромной, идеально заправленной кровати стоит старый кожаный портфель, — продолжил он, и его кадык дернулся. — Тот самый, с которым я, сопляк из провинции, приехал завоевывать этот город двадцать лет назад. Гнилая, потрескавшаяся кожа, сломанная защелка, которую я когда-то пытался починить проволокой... я помню этот запах дешевого дерматина и пота. Он пустой, Вера. Совершенно пустой. Только на самом дне лежит одна-единственная вещь — старая, пожелтевшая газета. Заголовок о банкротстве моей первой компании. Та самая статья, после которой мой отец слег с инфарктом. Потому что я, великий стратег, вложил все его жизненные сбережения в этот проклятый мыльный пузырь.

Марк поднял на меня взгляд, и я увидела в его зрачках отражение сотен свечей. Но они не горели там — они тонули в липкой, черной воде.

— В моем номере пахнет тем самым инфарктом, — добавил он тише, и его голос сорвался на шепот, от которого по моей спине побежали мурашки. — Лекарствами, жженым пластиком и разочарованием. Отель хочет, чтобы я снова и снова открывал этот пустой портфель, надеясь найти там хоть что-то, кроме своей вины. Но там только пустота. И она растет с каждым часом.

Сидящая рядом с ним девушка вздрогнула так резко, что задела локтем нож. Серебро со звоном упало на пол, исчезнув в густой тени под столом, но никто даже не пошевелился, чтобы его поднять. Она была хрупкой, почти прозрачной, словно её фигуру вырезали из папиросной бумаги. В её огромных глазах плескался первобытный, животный страх, какой бывает у существа, загнанного в угол. Её кожа казалась тончайшим фарфором, покрытым сетью едва заметных, но смертельных трещин.

– А у меня...у меня...Я...Лиза – начала она, и её голос был похож на шелест сухой листвы. – У меня в номере платье с выступления. Мое последнее платье. И звук... я постоянно слышу звук бегущих шагов в коридоре, прямо за дверью. Быстрый, drobный топот. Но когда я набираюсь смелости и открываю дверь – там никого. Только пустой коридор и запах пыли.

Она замолчала, с силой прижав ладони к вискам, словно пыталась физически заглушить этот воображаемый топот ног, который продолжал звучать в её голове.

Я перевела взгляд на четвертого – того самого старика. Он сидел во главе стола с такой невозмутимостью, будто находился на званом обеде в британском посольстве, медленно потягивая вино, смакуя каждый глоток. Он не представился официально, он просто был здесь, наблюдая за нашими излияниями, как опытный энтомолог наблюдает за редкими насекомыми, приколотыми стальными булавками к картон-

ной подложке.

– Вы все ищете логику в месте, где она умерла первой, – внезапно произнес он. Его голос был низким и вибрирующим, он заставил пламя всех свечей в зале синхронно качнуться, словно от порыва ветра. – Отель не показывает вам прошлое, Вера. Это было бы слишком просто. Он показывает вам то, кем вы стали, когда решили, что успех важнее совести. Что цифры важнее людей. Отель – это зеркало, которое не льстит. Приятного аппетита, господа. Мясо сегодня особенно удалось. И я – Аркадий Семенович, к вашим услугам.

Я невольно посмотрела в свою тарелку. Там лежал кусок мяса с кровью. Темный сок растекался по белому фарфору, и в неверном свете свечей мне вдруг показалось, что этот кусок... пульсирует. В такт моему испуганному сердцу.

Внутри меня, где-то под ребрами, там, где еще недавно тлела надежда на рациональное объяснение, начал расти и пульсировать ледяной холод. Это не был розыгрыш. Это не был бред одного сумасшедшего или последствия моей аварии – всё происходило слишком детально, слишком синхронно, слишком методично. Кто-то – или что-то – вывернул наши души наизнанку, вытряхнул все постыдные секреты, все старые страхи и поражения, и аккуратно разложил их по полкам в этих проклятых номерах. Мы были не постояльцами. Мы были экспонатами в анатомическом театре, выставленными на обозрение невидимому, жадному зрителю.

– Вы все здесь давно? – спросила я. Мой голос прозвучал резко, ломая тишину, как сухое стекло. Я изо всех сил старалась не выдать дрожь в руках, которые намертво сцепила под столом, до боли в суставах.

– Не знаю точно, – Марк неторопливо поставил бокал на стол. Звук соприкосновения хрусталя и массивного дуба в этой тишине показался грохотом упавшего в пропасть камня. – Время здесь не течет в привычном понимании, Вера. Оно здесь стоит, как застоявшаяся, тухлая вода в болоте, покрытая ряской. День, неделя, год – какая разница, если за окном один и тот же серый, безжизненный морок? Но я уверен в одном: мы все здесь не случайно.

Я посмотрела на свои руки. Ногти впились в ладони так сильно, что я почувствовала липкую влагу. Весь мой колоссальный опыт руководителя, все мои элитные тренинги по лидерству, управлению гневом и стрессоустойчивости, за которые я платила тысячи долларов лучшим коучам страны, – всё это здесь стоило не больше, чем пыль на этих тяжелых, пахнущих склепом бархатных шторах. Мои социальные доспехи осыпались трухой.

– Я хочу уйти, – сказала я, и мой голос прозвучал чужой, ломкой, почти детской нотой, которую я сама от себя не ожидала. – Сейчас же. Я найду администрацию, я вызову полицию, я подам в суд на каждого, кто причастен к этому похищению и удержанию...

– Куда идти? – тихо, почти жалобно прервала меня Лиза.

Она не смотрела на меня. Её взгляд был прикован к огромному окну, за которым в бешеном, хаотичном танце кружилась белая тьма. Метель была такой плотной и яростной, что казалось, будто дом сорвался с фундамента и летит сквозь безвоздушное пространство космоса.

– Там нет дороги, Вера. Вы же сами видели. Там нет ничего, кроме абсолютного, пожирающего холода. Надо просто подождать. Еще немного подождать, и кто-то придет нам помочь или связь появится.

Я резко встала из-за стола. Стул с оглушительным грохотом отлетел назад, ударившись о стену. Я не прикоснулась к еде – от одного запаха этого «удачного» мяса меня теперь тошнило, к горлу подступал горький ком. Их лица, их странная, рабская, почти религиозная покорность, их готовность сидеть здесь вечно и ждать милости – всё это вызывало во мне не софистическое сочувствие, а клокочущее, первобытное бешенство. Раздражение вспыхнуло во мне как лесной пожар, подстегнутый резким ветром паники.

– Вы все просто... подыгрываете, да?! – я оглядела их по очереди, чувствуя себя единственным выжившим в катастрофе среди покорных зомби. – Марк, Лиза, Аркадий. Признавайтесь, это какая-то новая экспериментальная психологическая игра? Корпоративный тимбилдинг для выгоревших неудачников под девизом «Встретиться со своим страхом»? Кто оплатил этот сюрреалистический розыгрыш? Адам?

Я выдавила из себя усмешку, но мой смех вышел сухим, злым и надтреснутым.

– Это вполне в его стиле. Заказать инсценировку аварии, привезти меня сюда в полубессознательном состоянии, нанять актеров, чтобы «проветрить мне мозги». Чтобы вывести меня на эмоции перед решающей сделкой, заставить сомневаться в собственной адекватности. Bravo! Декорации впечатляют, антиквариат отличный. Но вы переигрываете. Слишком много пафоса про «бездну» и «инфаркты».

Лиза смотрела на меня с нескрываемым испугом, вжимаясь в высокую спинку стула, словно я была опасным, непредсказуемым зверем, готовым вцепиться в горло. Марк же смотрел на меня с бесконечной, выжженной дотла усталостью. Так смотрят на капризного, истеричного ребенка, который требует остановить экспресс на полном ходу, потому что ему надоело ехать.

– Это не игра, Вера, – тихо и веско сказал он. В его голосе было столько тяжелой, неоспоримой правды, что мои внутренние стены на секунду пошатнулись, пропуская ледяной сквозняк. – Поверь мне, никто в этом меркантильном мире не стал бы тратить столько усилий, времени и ресурсов, чтобы просто поиграть с твоим эго.

– Конечно, нет! – отрезала я, с силой подхватывая свою сумочку. Кожа ремешка обожгла ладонь. – Вы все так натурально изображаете безумцев, что вам пора выдавать «Оскар» прямо здесь, не отходя от кассы. Но мне это неинтерес-

но. Я ехала на сделку, от которой зависит будущее сотен моих сотрудников, моей клиники, моего дела жизни, а попала в дешевый театр абсурда.

Я сделала широкий, решительный шаг к дверям. Каблуки моих туфель яростно застучали по зеркальному паркету, выбивая ритм моего протеста, моей воли. Но на самом пороге я обернулась. Мои глаза горели тем самым нездоровым, ядовитым блеском, который мои подчиненные в клинике за глаза называли «взглядом медузы Горгоны».

– Послушайте меня внимательно. Если завтра утром я не найду здесь вменяемого администратора с ключами от гаража и работающим телефоном, я просто уйду пешком по дороге. Мне плевать на метель и на ваш «пожирающий холод». Умереть в снегу, борясь за свою свободу, – это логично. Это по-человечески. Это достойный финал. Гнить здесь с вами в этом фальшивом золоте, копаясь в старом белье и слушая сказки – нет. Наслаждайтесь своим кровавым ужином.

Я развернулась и почти бегом вышла из столовой. В коридоре было тихо. ОТЕЛЬ казался огромным, пустым и абсолютно нереальным в этом янтарном полумраке. Каждая половица под моими ногами будто вздыхала.

Я остановилась, тяжело дыша. Здесь точно что-то не так. Моя логика, мой прагматизм, мой расчет – всё это буксовало, как колеса в грязи. Но признать поражение означало сдаться этому месту. А Вера Волкова никогда не сдаётся.

Даже если против неё – сама реальность.

ГЛАВА 4

Вернувшись в номер после этого сюрреалистического ужина, я поняла, что сон сегодня станет моим личным, самым беспощадным врагом. Стоило мне закрыть дверь на за-сов, как тишина комнаты набросилась на меня, забиваясь в уши, мешая дышать. Я рухнула на кровать, не снимая обувь – ноги гудели, а пальцы онемели, но у меня не было сил даже на то, чтобы наклониться.

Матрас под моим телом вдруг показался слишком мягким, неестественно податливым, почти зыбучим, словно он намеревался поглотить меня целиком, растворить в своих пружинах и перинах. А подушка, напротив, стала жесткой, будто её набили не гусиным пухом, а мелким речным гравием или костями тех, кто спал здесь до меня.

Я уставилась в потолок. В голове, словно на зацикленной киноплёнке с оборванными краями, крутились лица постояльцев. Марк с его взглядом побитого, затравленного пса, который уже не ждет удара, а просто знает, что он будет. Лиза, чьи тонкие пальцы беспрестанно дрожали, перебирая воздух, будто она была прикована к невидимым, натянутым до предела струнам, издающим ультразвуковой крик.

Почему их вещи тоже здесь? Какая извращенная, хирургически точная фантазия заставила кого-то воссоздать их прошлое с такой пугающей, молекулярной достоверностью?

– Актеры, – прошептала я в темный потолок, и мой голос прозвучал как шелест сухой бумаги. – Это просто профессионалы. Дорогая постановка. Гротескный психологический театр.

Я пыталась убедить саму себя, выстраивая привычные баррикады из логики. Их задача – давить на мою психику, бить по самым болевым точкам, вызывать это липкое, удушьяющее чувство вины. Зачем? Чтобы я сломалась. Чтобы завтра, когда появится Адам с пачкой документов на передачу акций, я подписала их не глядя, лишь бы выбраться из этого бархатного ада. Но откуда... откуда они знают детали, которые я не доверяла даже своему психоаналитику? Откуда этот запах лаванды? Эта трещина на рамке фото?

Часы на стене тикали с монотонной, садистской настойчивостью. *Тик-так. Тик-так.* Каждый удар маятника отдавался в моих висках тяжелым молотом. Прошел час, может быть, два – в «Тихой обители» время казалось густым сиропом, в котором вязнет всё живое. Наконец, я сдалась. Лежать в этой тишине, густо пахнущей пылью, старым воском и моими собственными духами из прошлой жизни, было выше моих сил.

Мне нужны были ответы. В конце концов, я – топ-менеджер, я привыкла управлять процессами. А в любом отеле, каким бы странным он ни был, есть администрация, есть сейфы, есть черные выходы и персонал, который всегда можно прижать к стенке, если правильно надавить. Тот дворец-

кий... он испарился сразу после ужина, буквально растворился в тенях столовой. Настало время найти его рабочее место.

Я вышла в коридор, стараясь ступать как можно тише. Здесь царила мертвая, ватная тишина, какую чувствуешь в глубоком бункере. Только старые половицы под моими шагами издавали жалобный, протяжный скрип, подозрительно похожий на тяжелый человеческий вздох. Я шла вдоль бесконечного крыла, мимо плотно закрытых дверей. Мне казалось, что номера тянутся на километры, хотя снаружи особняк не выглядел таким огромным.

Я дошла до самого конца коридора, где за резным поворотом скрывалась массивная дверь из темного дерева. Из-под неё пробивался тусклый, нездоровый свет – желтоватый и дрожащий, как пламя умирающей свечи.

Я толкнула её, ожидая увидеть ресепшен, стойку с ключами или хотя бы заваленную бельем кладовую. Но это была не администрация.

Передо мной открылось пространство, масштаб которого заставил меня замереть на пороге. Это огромное помещение напоминало камеру хранения на вокзале, но в каком-то исполинском, готическом исполнении. Полки и стеллажи уходили в полумрак, теряясь где-то под высоким сводчатым потолком, где гуляло эхо моего дыхания.

Ряды чемоданов. Сотни, тысячи чемоданов. Здесь были роскошные кожаные кофры, обшарпанные саквояжи из

тридцатых годов, современные яркие пластиковые кейсы на колесиках и маленькие, трогательные детские сумки с полустертыми рисунками. На многих из них висели картонные бирки, раскачивающиеся от невидимого сквозняка.

Я сделала шаг внутрь, чувствуя, как липкий, кладбищенский холод забирается под одежду, пропитывая кожу. Рука сама, помимо моей воли, потянулась к ближайшей бирке «М. Ижевский».

Марк? Я узнала этот кожаный чемодан – я видела его мельком в холле, когда только вошла. Но здесь он выглядел старым, заброшенным. Рядом на полке лежал потертый футляр от скрипки, покрытый слоем серой пыли. Лиза. Чуть дальше – тяжелый, побитый временем саквояж с медными инициалами «А.С.». Аркадий Семенович.

– Что это за кладбище вещей... – мой голос утонул в сухом, безжизненном воздухе склада.

Это не мог быть розыгрыш. Никакой бюджет Адама не покрыл бы создание такой декорации. Кто бы стал десятилетиями собирать личные вещи сотен людей, якобы оказавшихся здесь «по стечению обстоятельств»? Это не театр. Это была система. Бюрократическое хранилище жизней, которые были поставлены на паузу и забыты.

Я прошла вглубь комнаты, стараясь не задевать стеллажи. В самом центре, под одинокой, голой лампочкой, висящей на длинном проводе, стоял тяжелый дубовый стол. На нем лежала она – фолиант, обтянутый черной кожей, потертой на

углах до блеска. Гостевая книга.

Я открыла её. Страницы были пожелтевшими, ломкими и пахли тленом, старой бумагой и чем-то сладковато-приторным. Записи шли бесконечной чередой, упорядоченные по времени, но странно: в книге не было дат. Ни годов, ни месяцев. Только имена и графы «Прибытие».

Я лихорадочно начала листать страницы назад, ища знакомые фамилии. *Анна Смирнова. Прибытие: 12 марта. Олег М. Прибытие: 4 ноября.* Десятки, сотни имен, выведенных разным почерком – от каллиграфического до неразборчивых каракулей. Но когда я начала искать графу «Выезд», мой палец замер на середине страницы.

Этой графы не было. Ни в конце списка, ни на полях, ни в примечаниях. Ни один человек за всю бесконечную историю этой книги не покинул «Тихую обитель». Люди заходили внутрь, их имена вносились в черную книгу, и на этом их след обрывался.

Я захлопнула книгу с таким звуком, будто запечатывала гроб. Нужно уходить. Сейчас же. Плевать на метель, плевать на контракт, плевать на всё. Я начала оглядываться в поисках другого выхода – я не хотела снова идти через этот бесконечный коридор. И тут я заметила дверь в самой глубине склада, приоткрытую лишь на узкую щель. Из неё лилось странное, теплое, почти золотистое сияние.

Я подошла к ней и заглянула внутрь. Это была небольшая комната, под самый потолок заставленная стеллажами. Но

там не было чемоданов. Там были... триумфы.

Золотые кубки, медали на бархатных подложках, почетные грамоты в массивных золоченых рамках. За стеклом одной из витрин сияли статуэтки «Человек года». Я подошла к ближайшему стеллажу, и в ту же секунду почувствовала, как земля уходит из-под ног, а воздух в легких превращается в лед. «Лучший топ-менеджер года. Вера Александровна Волкова».

Это была моя награда. Та самая, что с такой помпой вручали мне в прошлом году. Я помню, как стояла на сцене под светом софитов, как гордилась этой тяжелой фигуркой, как её блеск оправдывал для меня всё: и мое одиночество, и пустую квартиру, и вечные истерики Андрея, и те ночи, когда я плакала в подушку от изнеможения. Рядом лежала еще одна награда. И еще. И мой диплом MBA из Гарварда.

Сотни наград, которыми так гордились люди, приехавшие сюда. Вещи, за которые они продавали свое время, свое здоровье, своих близких, свою способность чувствовать. Здесь, в этом подвале Отеля, все наши достижения превратились в пыль, в никому не нужный хлам на дальней полке. ОТЕЛЬ не просто хранил наши вещи. Он коллекционировал наше тщеславие. Он собирал наши оправдания – те самые, которыми мы прикрывали свою неспособность быть просто счастливыми. Все эти грамоты были просто инвентарными ярлыками на клетках, в которых мы добровольно заперли свои души.

Я попятилась назад, боясь даже случайно коснуться этой

коллекции мертвого успеха. Это был не розыгрыш Адама. Никто не мог такое сделать специально.

Я не стала искать другие двери. Развернувшись, я почти бегом бросилась назад по коридору. Мои каблуки гулко, яростно стучали по паркету – этот ритмичный, живой звук был единственным, что еще связывало меня с реальностью, с тем миром, где существовали налоги, пробки и кофе на вынос.

Я влетела в свой номер 402, захлопнула дверь на засов, провернув его трижды, и прислонилась к ней спиной. Сердце колотилось о ребра, как пойманная птица.

– Успокойся, – приказала я себе вслух, вцепившись пальцами в волосы. – Дыши. Это просто игра твоего разума. Тебя накачали чем-то.

Я подошла к зеркалу. Из глубины стекла на меня смотрело привидение: глаза, налитые кровью от недосыпа и напряжения, лицо бледное, как сырая известь. – Это вино, – прошептала я своему отражению, пытаюсь найти хоть какое-то рациональное объяснение. – Ужин. Эти странные, подготовленные разговоры Марка и Лизы. Они просто актеры. Искусные манипуляторы. А всё остальное... у меня просто галлюцинации от шока и всех этих манипуляций.

Я села на край кровати, чувствуя, как внутри всё ходит ходуном. Вспышкой, с пугающей четкостью, вернулась память об аварии. Скрежет сминаемого металла. Глухой удар. Осколки стекла, летящие в лицо.

Возможно, я получила сильный удар головой. Сотрясение мозга вызывает дезориентацию, спутанность сознания, аберрацию памяти. Иногда – слуховые и зрительные искажения. А если добавить к этому те сильные антидепрессанты, которые я, не раздумывая, выпила в машине за полчаса до катастрофы... это же ядерная смесь. Галлюциногенный коктейль.

Я – профессионал. Я привыкла работать с холодными фактами. А факты на данный момент таковы: я попала в тяжелую аварию, я нахожусь в состоянии глубокого шока, и мой мозг, чтобы не сойти с ума от ужаса, пытается «сшить» лоскутную реальность из обрывков моих страхов. Этот Отель, эти пустые книги, эти награды... это всего лишь проекция моего подсознательного ужаса потерять контроль над жизнью. Мой разум просто материализовал мои внутренние долги.

Я легла, натянула колючее одеяло до самого подбородка. – Нужно просто выспаться, – убеждала я себя, не отрывая взгляда от темного угла комнаты. – Завтра я проснусь в стерильной белой палате. Рядом будет стоять капельница, придет Адам с цветами, мы всё обсудим, и этот кошмар рассеется как дым. Завтра всё будет хорошо.

Закрыв глаза, я слушала тишину. Она больше не казалась мне зловещей. Теперь она была просто отсутствием звуков. В конце концов, изнуренный мозг взял свое. Я заснула, до боли сжимая в руке край подушки, до последнего мгновения

веря, что утро расставит всё по местам и вернет мне мой понятный, логичный и предсказуемый мир.

ГЛАВА 5

Это утро должно было стать для меня спасением.

Я открыла глаза с резким вдохом, ожидая увидеть стерильную белизну больничного потолка, услышать мерный писк монитора или хотя бы почувствовать запах хлорки и казенного белья. Мозг уже подготовил шаблон: я просыпаюсь, морщусь от яркого света, ко мне подходит медсестра, а в коридоре Адам нетерпеливо расхаживает.

Но вместо белых стен я увидела те же тяжелые бархатные портьеры цвета запекшейся крови. Сквозь плотную ткань просачивался тусклый, серый свет – безжизненный, как пыль на заброшенном чердаке. В воздухе стоял всё тот же приторный, удушающий аромат лаванды, смешанный с запахом старого дерева и тлена. Отель никуда не исчез. Он стоял вокруг меня, незыблемый и холодный, как скала.

Я резко села на кровати. Сердце забилося в горле, как пойманная птица, ударяясь о ребра с такой силой, что в ушах возник гул. «Это не сон. Господи, почему это не сон?»

Я лихорадочно схватила свой телефон, лежавший на тумбочке. Черный экран. Никакой реакции на нажатие. Я вдавила кнопку питания так сильно, что ноготь побелел, – ничего. Даже логотип не мигнул напоследок. Я потрясла его, прижа-

ла к уху, и внутри что-то глухо, костляво стукнуло. Знаете этот звук, когда в приборе нет плат и микросхем? Словно из современного гаджета, из этого чуда инженерной мысли, за которое я отдала целое состояние, изъяли все внутренности, оставив лишь пустую оболочку. Пластик и стекло. Реквизит в дешевом провинциальном театре.

Я встала, и ледяной пол мгновенно прошел ступни холодом до самых костей. Мои ноги казались чужими, ватными, непослушными, будто я заново училась ходить после долгого паралича. Я доплелась до зеркала. Из его мутной глубины на меня смотрела женщина, которую я с трудом узнавала: потухший, затравленный взгляд, всклокоченные волосы, бледная кожа с сероватым оттенком.

– Это просто стресс, – прошептала я в пустоту комнаты, цепляясь за остатки профессионального самообладания. – Реактивный психоз. Психогенная фуга, амнезия, дереализация... Да, именно так. Мозг в состоянии экстремальной защитной реакции выстроил этот барьер. Всё это описано в учебниках психиатрии.

Но рациональные доводы рассыпались, как сухая листва. Чтобы проснуться, нужно было действовать. Надо просто выйти отсюда. Физически. Переступить порог, вдохнуть настоящий морозный воздух – и этот морок лопнет. Любое здание – это материя, кирпич, дерево, бетон. А любую материю можно преодолеть.

Я оделась быстро, почти механически, не чувствуя паль-

цев. Запихнула вещи в сумку, чувствуя нарастающую панику.

Когда я вышла в коридор, там царила неестественная тишина – густая, как вата. Ни звуков вчерашнего ужина, ни шагов персонала, ни даже шороха ветра за стенами. Коридор казался бесконечным, анфилада дверей уходила в серый полумрак, и каждая из них теперь виделась мне входом в индивидуальный склеп.

Я ускорила шаг, почти переходя на бег. За поворотом я увидела Лизу. Она стояла у окна, но её взгляд не искал ничего снаружи. Она смотрела в пустоту, сквозь стекло, сквозь мир. Её движения стали тягучими, почти сомнамбулическими, словно она двигалась не в воздухе, а в густом, прозрачном киселе.

– Доброе утро, Вера, – произнесла она. Голос был пустым, лишенным вибраций, как эхо в заброшенном колодце.

– Лиза, где выход? – я почти выкрикнула это, стараясь звучать твердо, как на совете директоров. – Где администратор? Я уезжаю. Слышишь? Сейчас же!

– Уезжаешь? – Лиза медленно повернула голову. В её огромных глазах мелькнуло что-то похожее на жалость – ту самую, с которой смотрят на смертельно больного, который еще строит планы на лето. – Ты не слушала Аркадия вчера? Мы все пытались. Марк сначала пытался выбить дверь плечом. Потом он взял стул и бил по окнам, пока не выбился из сил. Он кричал, звал на помощь, пока не сорвал голос до

хрипа. Сейчас он... он просто сидит в библиотеке. Он ждет.

– Чего он ждет? – я сделала резкий шаг к ней, хватая её за плечо. Я хотела вытряхнуть её из этого оцепенения, но вскрикнула про себя: кожа девушки была холодной и твердой, как античный мрамор. В ней не было тепла живого тела, только костная жесткость и бесконечная, вековая усталость.

Лиза даже не вздрогнула. Она смотрела сквозь меня, и в её зрачках я увидела отражение коридора – бесконечную перспективу ламп и ковров, в которой не было места жизни. – Понимания ситуации, Вера, – тихо ответила она.

Она мягко, почти неуловимо высвободилась из моих пальцев и пошла дальше. Её шаги не издавали звука – она словно скользила над паркетом, превращаясь в еще одну серую тень этого места.

– Ну уж нет! – прошипела я, чувствуя, как страх превращается в ярость. – Я не стану вашей декорацией! Я не из тех, кто ждет!

Я побежала. Я знала планировку – во всяком случае, мой мозг услужливо рисовал схему: поворот налево, широкая лестница с перилами из полированного дуба, просторный вестибюль и главная дверь. Та самая, с медным львом. Мой билет в реальность.

Каблуки стучали по ступеням с яростным, пулеметным ритмом. Звук был оглушительным, он рикошетил от высоких сводов, заполняя всё пространство моей решимостью. Я пронеслась через холл, едва не задев чучело медведя, чьи

стеклянные глаза, как мне показалось, насмешливо сверкнули в полумраке.

Вот она. Массивная дубовая преграда. Я видела в ней спасение. За ней – метель, за ней – дорога, за ней – Адам, Андрей, моя клиника, мои проблемы... Господи, как я хотела сейчас оказаться на разборках в налоговой, лишь бы не здесь!

Я ухватила за холодную медную ручку обеими руками и с силой, на которую не считала себя способной, потянула на себя. Дверь не шелохнулась. Это не было сопротивлением замка. Ощущение было такое, будто дерево срослось с каменной рамой, превратившись в монолит. Я навалилась всем телом, упираясь ногами в скользкий паркет, дернула снова, до хруста в суставах. Бесполезно. Это была не дверь. Это была стена, искусно имитирующая выход.

И тогда во мне что-то окончательно сломалось. Рациональная Вера Волкова, леди-босс, мастер жестких переговоров, исчезла. Осталась напуганная, загнанная женщина в шелковом саване. Я начала колотить по дереву кулаками, сдирая кожу в кровь, кричать так, что горло обожгло огнем.

– Откройте! Выпустите меня! Есть здесь хоть кто-то живой?!

Тишина ответила мне свинцовой тяжестью. Она впитывала мой крик, как сухая губка – воду. Ни эха, ни ответа. Только пульсация крови в моих висках.

Я отступила, тяжело дыша, и прислонилась лбом к холод-

ному, равнодушному дереву. И вдруг я замерла. Я прислушалась. За дверью не было звуков улицы. Совсем. Не было завывания метели. Не было шума ветра в ветвях сосен, который я слышала вчера. Не было гула далекой трассы. Там была абсолютная, мертвая, вакуумная пустота. Будто мир снаружи стерли гигантским ластиком, оставив только этот Отель, дрейфующий в черном ничто.

Давление пустоты стало невыносимым. Мне казалось, что мои ушные перепонки сейчас лопнут.

«Дыши, Вера. Просто дыши».

Я вздрогнула так сильно, что ударилась плечом о косяк. Голос не был громким. Он не раздался из коридора. Он прозвучал *внутри* моей головы. Чистый, спокойный мужской голос, лишенный паники. Он вибрировал где-то в районе затылка, прохладный, как прикосновение мокрой ладони.

– Кто здесь? – выдохнула я, оборачиваясь. Пусто. Только тени от камина плясали на стенах.

«Не отдавай им свой страх, Вера. Отель питается им, как топливом. Не смотри в пустоту за окном – там ничего нет. Смотри на свет, который еще остался внутри тебя».

Я зажала уши руками, пытаясь вытолкнуть этот голос, но он стал только четче. В нем была странная, профессиональная уверенность.

– Уходи из моей головы! – закричала я, сползая по двери. – Кто ты?!

«Меня зовут Роберт. И я здесь, чтобы ты не забыла, как

звучит настоящий мир. Не дай Отелю дописать твою главу. Борись. Андрей уже ищет тебя... слышишь? Он ищет. Найди в себе силы дождаться его».

Голос начал медленно затухать, оставляя после себя запах озона, как после сильной грозы. Вакуум за дверью на мгновение вздрогнул. И мне – клянусь! – показалось, что я услышала далекий, призрачный звук автомобильного гудка где-то за миллионы километров отсюда.

Я сидела на полу, обхватив колени. Роберт... Это имя ничего мне не говорило, но его спокойствие стало моим единственным якорем. Если он пробился сквозь эти стены, значит, Отель не всемогущ. Значит, где-то существует мир, где я – Вера Волкова. Либо... либо я окончательно сошла с ума. Психоз, галлюцинации, голоса в голове... я читала об этом. Сильное выгорание, удар головой – мозг просто отключает реальность. Это было бы логично. Но всё это чувствовалось слишком реальным.

– Не получится, – спокойный голос Аркадия заставил меня подпрыгнуть.

Он стоял в паре метров, неподвижный, как изваяние, опираясь на трость с набалдашником из слоновой кости. Безупречно выбрит, воротничок сорочки хрустит от белизны – он выглядел так, будто провел ночь в уютном кабинете за шахматами, а не в этом склепе.

– Почему? – мой голос сорвался на хрип. Я указала на дверь. – Это здание! Здесь должен быть выход! 54-й кило-

метр! Моя машина!

– Вчера все тоже так думали, Вера, – в его голосе послышалась легкая, почти отеческая жалость. – В первый час мы все герои. Мы обошли все окна. Все люки. Знаете, что мы увидели?

Я молчала, чувствуя, как внутри рушится последняя баррикада моей логики.

– Мы увидели коридор, – продолжил он, делая шаг ко мне. – Если разбить окно на первом этаже, за ним окажется не сад, а анфилада комнат второго этажа. Если открыть дверь в сад – вы попадете в столовую. Отель бесконечен, Вера. Он отражается сам в себе, как зеркало в зеркале. Это пространство замкнуто на наших собственных тупиках.

Я отвернулась, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота. – Вы хотите, чтобы я сошла с ума? Чтобы я поверила в это нарушение законов физики? Я найду выход. Я буду ломать стены, я буду грызть этот паркет, но я не останусь здесь!

– Вы будете просто терять силы, – Аркадий подошел почти вплотную. Я почувствовала запах его одеколона – терпкий аромат старой бумаги и сухой полыни. – Вчера вы называли это розыгрышем. Сегодня вы отрицаете пространство. Вера, посмотрите на себя. Отель уже начал вас переваривать. Вы ищете выход снаружи, в то время как он – внутри вас.

Он развернулся и медленно пошел прочь, методично постукивая тростью. *Тук. Тук. Тук.* Этот звук отмерял секунды моей новой, кошмарной вечности.

Я осталась стоять в огромном, пустом холле, подавленная величиим этого места. Хрустальные люстры, свисающие с потолка, походили на застывшие ледяные сталактиты, и мне казалось, что тысячи их граней следят за каждым моим вдохом. В голове, словно единственный спасательный круг в штормовом океане, пульсировала одна-единственная, отчаянная мысль:

«Это не мистика. Это не может быть правдой. В двадцать первом веке призраков не существует, есть только технологии. Это самый сложный, за пределами дорогой психологический эксперимент. Кто-то – возможно, Адам, решивший устранить меня перед финальной подписью, возможно, конкуренты, метящие на моё кресло – запер нас здесь и холодно наблюдает. Это нейротехнологии, скрытые аудиовизуальные эффекты, галлюциногены в системе вентиляции. Это всё – масштабная, гениальная постановка».

Я резко, до хруста в шее, задрала голову. Глаза лихорадочно сканировали пространство в поисках объективов скрытых камер. Я искала их везде: в завитках лепнины на потолке, в пустых, пыльных глазницах антикварных мраморных статуй, охранявших лестницу, в сложном, гипнотическом узоры обоев. Я готова была сорвать гобелены, лишь бы найти крошечный мигающий красный огонек – доказательство того, что за этим кошмаром стоит человек, а не бездна.

Ничего. Только тяжелая, давящая роскошь Отеля, который, казалось, безмолвно насмеялся над моей жалкой, су-

етливой попыткой найти рациональное зерно там, где почва давно превратилась в холодный пепел.

Я была в ловушке. И самым страшным в этот момент было не то, что дубовые двери срослись с косяками. Самым страшным было внезапное, ледяное осознание: я не помню точно, какой сегодня день. Пятница? Суббота? И как долго я на самом деле ехала до этого проклятого 54-го километра? 10 марта? Или время уже давно вытекло из календарей?

Я сорвала с запястья свои дорожные часы – тяжелое золото и сталь, символ моего успеха, моих бессонных ночей и статуса, который я выгрызала зубами. Стрелки замерли на 10:15. Тонкая секундная стрелка, которая должна была неумолимо отсчитывать мгновения моей жизни, стояла как вкопанная. Я поднесла часы к самому уху, затаив дыхание. Тишина. Никакого едва слышного тиканья, никакой внутренней вибрации механизма. Вчера, когда я провалилась в тяжелый сон, они показывали то же самое время.

– Это нереально, – прошептала я, глядя на застывший циферблат. – Механика не может просто так остановиться во всем здании одновременно. Этого не может быть физически.

В этот момент в глубине моего существа что-то щелкнуло. Я поняла одну простую вещь: если я продолжу играть в «жертву обстоятельств», если позволю этой ватной тишине диктовать условия, я действительно сойду с ума. А безумие для меня всегда было равносильно полному проигрышу. А Вера Волкова не проигрывает. Никогда.

– Значит так, – я выпрямилась, расправив плечи, чувствуя, как в груди, под слоями липкого страха, просыпается привычная, обжигающая холодная ярость топ-менеджера. Та самая ярость, которая позволяла мне в упор смотреть в глаза акционерам, увольнять тысячи людей, не позволяя голосу дрогнуть. – Если двери заперты, мы найдем другой способ. Мы не в мистическом триллере, мы внутри системы. А у любой системы, даже самой безумной и изощренной, всегда есть архитектор и всегда есть слабые места.

Я решительно зашагала к лестнице. Мои шаги больше не были робкими – каблуки снова обрели ту самую властную твердость, от которой подчиненные в клинике вжимали головы в плечи.

– Давайте устроим собрание! – крикнула я вверх, в пустоту этажей, и мой голос ударился о стены, пробуждая уснувшее эхо. – Марк! Лиза! Выходите немедленно! Мы не будем сидеть по своим норам, как испуганные мыши, и ждать, пока эти стены нас раздавят. Мы составим план. Мы проведем полную инвентаризацию ресурсов, мы найдем этот чертов пульт управления балаганом!

Пусть это будет коллективный психоз, пусть это будет самый дорогой розыгрыш в истории человечества, но я, Вера Волкова, не собираюсь гнить в этом особняке, даже если он размером с целую галактику. Если Отель бесконечен – я найду способ сделать его обитаемым на моих условиях. И я заставлю эту чертову дверь открыться, даже если для это-

го мне придется сжечь это место до основания вместе с его «зеркальными коридорами» и фальшивым антиквариатом.

Я поднялась на вторую площадку лестницы и резко затормозила. В тени массивной колонны стоял Марк. Он прислонился к стене, скрестив руки на груди, и смотрел на меня с недоброй, кривой усмешкой, в которой читалась смесь жалости и горького сарказма.

– Собрание, Вера? – его голос, прохрипевший в полумраке, заставил меня вздрогнуть. – Решила применить навыки антикризисного менеджмента к вечности? Ну что ж... Попробуем. Давай попробуем поиграть в твою демократию в аду. Только не удивляйся, если у ада на этот счет другие планы.

Он вышел из тени, и я увидела, что его лицо за ночь осунулось еще сильнее, став похожим на посмертную маску, на которой застыло ожидание чего-то неизбежного.

ГЛАВА 6

Я решила действовать. Страх – это паршивый советчик, он затуманивает зрение и заставляет совершать ошибки, но для меня он стал идеальным катализатором для адреналина. Если Отель – это сложная, пугающая, многоуровневая, но всё же система, у неё обязаны быть алгоритмы. В большом бизнесе не бывает абсолютно безвыходных ситуаций, бывают только плохо просчитанные риски и недостаток вводных

данных.

Я рассуждала как генеральный директор, готовящий экстренный кризисный план по спасению тонущего холдинга: нужно декомпозировать этот глобальный, иррациональный ужас на понятные, измеримые и контролируемые этапы. Сначала – разведка, потом – анализ, затем – штурм.

– Нам нужно картировать здание, – заявила я, когда мы снова собрались в гулком, пахнущем сыростью и старыми похоронами холле. Мой голос прозвучал набатом, разрезая вязкий воздух.

Марк даже не соизволил поднять головы. Он сидел, глубоко зарывшись в кожаное кресло у камина, в котором вместо дров тлело что-то серое, липкое и зловонное, испуская тонкие струйки сизого дыма. Его взгляд был намертво прикован к этому мертвому пламени, а пальцы механически, с неприятным скрипом сжимали пустой бокал из тонкого хрусталя. Он отказался участвовать. Для Марка Отель уже победил, сожрал его волю и выплюнул оболочку. Его личность была растворена в этом пространстве, как кубик сахара в кипятке.

– Мы пойдем по главному коридору, – продолжала я, стараясь игнорировать его трусливую апатию. – Будем методично отмечать количество дверей, углы поворотов, лестничные пролеты. Каждое здание, даже самое безумное, строится по чертежам. Если мы поймем геометрическую закономерность этой архитектурной аномалии, мы вычислим точку выхода. Математика не умеет лгать, в отличие от наших напуганных

глаз.

– Вы как будто пытаетесь измерить бесконечность школьной линейкой, Вера, – пробормотал Марк, не оборачиваясь. – Отель меняет кожу каждые пять минут. Вы измеряете то, чего уже не существует. Вы строите карту на воде.

Лиза согласилась пойти со мной, хотя её вид внушал тихий ужас: бледная до синевы, с угольно-черными кругами под глазами, она походила на привидение, которое по трагической ошибке забыли развоплотить. Мы начали наш «аудит». Я достала блокнот и ручку с золотым пером, которая была со мной всегда – мой последний «арсенал» из мира осязаемых, работающих фактов.

Первый этаж, сектор А. Мы прошли первый пролет. Четырнадцать тяжелых, глухих дверей по левую сторону, четырнадцать – по правую. Номера шли в идеальном порядке: 101, 102, 103... Я методично наносила линии на бумагу, чернила ложились ровно. «Этаж 1, Сектор А, 28 номеров. Планировка линейная, коридорного типа».

– Кажется, всё логично, – сказала я Лизе, чей прерывистый, свистящий вздох за моей спиной начинал меня невыносимо раздражать. – Это стандартная планировка загородных резиденций начала века. Никакой магии, Лиза, просто старая, запутанная архитектура и наше воображение.

Но на втором этаже моя логика начала трещать по всем швам, как старая ткань. Коридор, который по моим точным расчетам должен был закончиться через тридцать метров и

вывести нас к пожарной лестнице, начал необъяснимо растягиваться. Мы шли пять минут, потом десять, потом пятнадцать. Мои каблуки гулко, с каким-то металлическим, лязгающим звоном отдавались в звенящей тишине, словно я шла по листам оцинкованного железа. Стены становились всё выше, а потолок медленно уходил в густую, непроглядную тень, из которой, казалось, капала темнота.

– Вера... – Лиза резко остановилась, вцепившись в мой рукав мертвой хваткой. Её пальцы были как ледяные клещи. – Мы прошли мимо той картины уже трижды. Я считала.

Я замерла, чувствуя, как сердце пропустило удар. На стене висел огромный, потемневший от времени портрет мужчины в камзоле. Его холодный, пронизывающий взгляд, казалось, буравил мне затылок. Была в нем одна деталь, которую я запомнила сразу – на мизинце его левой руки, лежащей на эфесе шпаги, не хватало фаланги. Я видела этот портрет две минуты назад. И пять минут назад тоже. Мы шли по прямой, но пространство закольцевалось.

– Это оптическая иллюзия, – отрезала я, хотя холодный, липкий пот уже струился по моей спине. – Из-за одинаковой отделки и отсутствия окон нам кажется, что мы ходим кругами. Мозг ищет повторения там, где их нет. Нужно просто идти вперед.

Я почти побежала, увлекая Лизу за собой. Но коридор становился всё уже, сдавливая нас в своих объятиях. Стены, обитые тяжелым темным бархатом, начали слегка... вибри-

ровать. Я коснулась их рукой и тут же в ужасе отдернула пальцы. Бархат был теплым. Слишком живым. Как человеческая кожа в лихорадке. Я явственно ощутила под тканью ритмичное движение, похожее на ток густой крови по венам. Отель дышал. Он был живым, ненасытным организмом, а мы были мелкими занозами в его пульсирующей плоти.

– Ты это слышишь? – Лиза замерла, её глаза округлились, став похожими на два блюдца.

Я прислушалась. Сначала – ничего, кроме звона в ушах. А потом из-за стен донесся звук. Это не был шум ветра или гул старых труб. Это был шепот. Густой, многоголосый шепот. Сотни, тысячи голосов, накладывающихся друг на друга в неразличимом гуле. Я не могла разобрать слов, но интонации пробивали до самого костного мозга: это были ожесточенные споры, истерический смех, тихий плач, страстные признания и ядовитые ссоры.

– Это Отель... он говорит с нами... – Лиза вскрикнула, закрывая уши.

Я сделала шаг к стене, чувствуя, как сознание начинает двоиться. Внезапно сложный рисунок на бархатных обоях зашевелился. Узоры задвигались, переплетаясь, как змеи, и начали образовывать знакомые, до боли родные очертания. Я всмотрелась, и мир поплыл перед глазами: передо мной проступил план моей старой квартиры. Вплоть до расположения трещин на потолке. И прямо посреди стены возникла дверь. Старая, обшарпанная белая дверь, которую мы с Ан-

дреем так и не успели покрасить перед его окончательным уходом. Из-под щели потянуло теплом, запахом корицы и его терпкого одеколona.

– Вера, не смотри! Закрой глаза! – Лиза дернула меня за руку, но я была в трансе.

Дверь начала медленно, со знакомым скрипом открываться. Из темноты за ней повеяло ароматом свежемолотого кофе и старых книг. Андрей? Его голос, такой реальный, такой близкий, позвал меня из пустоты: «Вера, ну сколько раз говорить, ты опять забыла включить свет в прихожей...»

– Этого не может быть... это проекция, это химия! – я чувствовала, как последняя логика покидает мой череп. – Это стены! Просто проклятые стены!

Я рванулась вперед, чтобы ударом захлопнуть эту чертову дверь, но мои ладони с размаху врезались в горячий, пульсирующий бархат. На месте двери снова были обои. Пустота. Но когда я в панике обернулась назад, коридор исчез. Там, где мы только что стояли, выросла глухая стена. Без проходов. Без единого шва. Абсолютная кирпичная кладка, проступившая сквозь ткань.

– Лиза? – я закричала, оборачиваясь вокруг своей оси.

Но Лизы не было. Коридор был пуст и страшен. Я осталась одна в узком, вибрирующем пространстве, которое с каждой секундой становилось всё теснее. Стены начали сдвигаться. Медленно, едва заметно, но я видела, как сокращается расстояние. Отель не просто «играл» в геометрию. Он начал

процесс пищеварения.

Я побежала. Не разбирая дороги, не глядя на номера, срывая дыхание. За каждым поворотом – тот же самый тупик. Снова портрет безпалого мужчины. Снова пульсация стен. Снова шепот, который теперь переходил в ультразвуковой крик.

В какой-то момент я влетела в первую попавшуюся дверь, захлопнула её и заперла на ключ, сползая по косяку на пол. Сердце колотилось так, что казалось, оно сейчас выскочит через горло.

Но это не была моя комната. Это был зал, заставленный зеркалами. Сотни зеркал всех калибров: огромные в золоченых рамах, маленькие настольные, треснувшие, кривые, мутные. И в каждом из них – я. Сотни версий Веры Волковой: испуганной, злой, плачущей, надменной.

Они смотрели на меня отовсюду. И в какой-то момент я поняла, от чего у меня волосы встали дыбом: их отражения не копировали мои движения. Отражение в зеркале напротив меня медленно, с издевкой подняло руку и приложило палец к губам. *Т-с-с-с*. А потом я услышала стук. Глухой стук костяшек изнутри стекла.

Я отползла к стене. Зеркало напротив начало меняться. Мое отражение исчезло, уступив место теплоте нашей старой кухни. Я видела себя. На мне был тот дурацкий растянутый синий свитер, волосы собраны в небрежный узел. Я смеялась – по-настоящему, всей душой, без этой ледяной

маски, которую я носила как броню последние пять лет. Рядом был Андрей. Он обнимал меня со спины, и я чувствовала тепло даже через стекло. На столе лежал недописанный отчет, который я просто оттолкнула, чтобы побыть с ним.

У меня перехватило дыхание. Это был тот самый вечер, когда я на самом деле накричала на него и ушла в кабинет, потому что «дедлайны важнее твоих глупостей». Отель показывал мне альтернативу. Реальность, где я выбрала любовь.

– Нет... – прошептала я. – Это ложь. Я бы всё равно... я не могла иначе.

Я перевела взгляд на зеркало слева. Здесь всё было по-другому. Стекланный кабинет на сороковом этаже. Я выглядела безупречно: острая, холодная, как хирургический скальпель. Я подписывала бумаги, даже не поднимая глаз на людей. Мои глаза были как два стальных диска. Я была абсолютным триумфатором. Но в кабинете было темно, и вокруг – ни одной живой души. Только я и мой успех. Я видела, что в этой реальности я не сломалась, я победила всех – и это было страшнее любого ада. Это была абсолютная, звенящая пустота.

– Хватит! Замолчите! – крикнула я, зажмурившись до цветных пятен.

Но зеркала продолжали шептать. Голоса моих «отражений» проникали прямо под черепную коробку. «Ты могла бы выбрать нас», – нежно манила счастливая Вера. «Ты выбрала нас, и посмотри, какая цена», – ледяным тоном вторила

Вера успешная.

– Я была права! – закричала я, вскакивая. Мой голос сорвался. – У меня не было выбора! Это была жизнь! Моя карьера!

Я схватила тяжелый бронзовый подсвечник и с диким криком ударила по зеркалу с «успешной» Верой. Стекло не разбилось на осколки. Оно пошло глубокими трещинами, как лед на реке в марте, и из этих трещин хлынул густой, едкий серый дым. Зеркало начало затягивать меня, словно воронка. Я почувствовала, как чьи-то холодные, невидимые пальцы вцепляются в мои плечи, пытаясь затянуть внутрь, в эту блестящую, мертвую пустоту.

– Нет! Я – это не вы! – я уперлась ногами в паркет, сопротивляясь изо всех сил. – Вы – только тени! Иллюзии! Хлам!

Я видела, как отражения в других зеркалах начали деформироваться. «Счастливая» Вера начала стремительно стареть, её кожа серела и осыпалась прахом. «Успешная» Вера начала плавиться, превращаясь в бесформенный восковой ком. Отелль кормился моими сожалениями, моими «а что, если бы...». Чем больше я смотрела в эти варианты, тем сильнее я становилась частью интерьера.

Я с грохотом бросила подсвечник на пол. И вместо того чтобы продолжать эту бессмысленную войну с отражениями, я сделала то, чего никогда не позволяла себе в своей «успешной» жизни: я просто закрыла глаза. Навсегда. Для этого места. Я перестала подпитывать эти образы своим вниманием.

– Вы ненастоящие, – сказала я в звенящую пустоту, чувствуя, как стены комнаты перестают вибрировать. – И мой выбор – только мой. Я не буду оправдываться перед кусками стекла.

ГЛАВА 7

Тишина. Абсолютная, звенящая, почти осязаемая тишина, от которой закладывает уши, как при резком погружении на глубину. Когда я, наконец, рискнула разомкнуть веки, зеркала в зале снова стали обычными – плоскими, холодными кусками амальгамы. В них отражалась просто комната: обшарпанные стены, слой пыли и я – растрепанная, с дикими глазами, в которых застыл первобытный ужас. Никаких «других версий» Веры Волковой. Никаких счастливых кухонь и стальных офисов. Только пустой зал, пахнущий тленом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.